

Информация для цитирования:

Васильева С. В. Практика лесопользования в хозяйственной деятельности старообрядцев семейских Забайкалья во второй половине XIX века / С. В. Васильева, С. А. Козлова // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 7. — С. 412—428. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-7-412-428.

Vasilyeva, S. V., Kozlova, S. A. (2025). Forest Management Practices in Economic Activities of Old Believer Semeyskys of Transbaikalia in Second Half of 19th Century. *Nauchnyi dialog*, 14 (7): 412-428. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-7-412-428. (In Russ.).

Web of Science™

DOAJ

LIBRARY.RU

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Практика лесопользования в хозяйственной деятельности старообрядцев семейских Забайкалья во второй половине XIX века

Васильева Светлана Владимировна¹

orcid.org/0000-0002-3788-0879

доктор исторических наук, доцент,
заведующий кафедрой теологии
и религиоведения
sv_vasilieva@mail.ru

Козлова Светлана Алексеевна^{1,2}

orcid.org/0000-0001-5056-0346

¹ соискатель кафедры теологии
и религиоведения;

² начальник отдела экологического
просвещения,

корреспондирующий автор

svetsergol@yandex.ru

¹ Бурятский государственный
университет имени Доржи Банзарова
(Улан-Удэ, Россия)

² ФГБУ «Заповедное Прибайкалье»
(Иркутск, Россия)

Forest Management Practices in Economic Activities of Old Believer Semeyskys of Transbaikalia in Second Half of 19th Century

Svetlana V. Vasilyeva¹

orcid.org/0000-0002-3788-0879

Doctor of History, Associate Professor,
Head of the Department of Theology
and Religious Studies
sv_vasilieva@mail.ru

Svetlana A. Kozlova^{1,2}

orcid.org/0000-0001-5056-0346

¹ degree seeker, Department
of Theology and Religious Studies;

² Head of the Department
of Environmental Education,

corresponding author
svetsergol@yandex.ru

¹ Buryat State University
named after D. Banzarov
(Ulan-Ude, Russia)

² Federal State Budgetary Institution
“Zapovednoye Pribaikalye”
(Irkutsk, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Выполнен анализ мероприятий, осуществляемых лесничествами Забайкальской области, и практики использования лесных ресурсов старообрядцами семейскими в своей хозяйственной деятельности во второй половине XIX века. Привлекались опубликованные и неопубликованные источники. Корпус неопубликованных источников включает материалы делопроизводственного и нормативно-правового характера о состоянии лесного дела в Забайкальской области, хранящиеся в Государственном архиве Иркутской области. Комплексный анализ источников позволил рассмотреть историю формирования территориального устройства лесопользования в Забайкальской области, где расположены семейские поселения. Внимание сосредоточено на территории Троицко-Савского лесничества, границы которого проходили в пределах Верхнеудинского округа и частично в Троицко-Савском округе, где были расположены поселения старообрядцев семейских. Авторы останавливаются на интересных фактах о наиболее ресурсных с точки зрения лесопользования участках, например о Малханском участке с наличием орехово-промысловых угодий. Выявлены проблемы лесопользования у старообрядцев, проживавших в пределах Кяхтинской дачи. Отмечается, что в Забайкальской области до 1890 года не были организованы лесничества и не было специальных учреждений, занимавшихся управлением лесными ресурсами, что приводило к неравномерному использованию лесных ресурсов и влияло на систему жизнеобеспечения старообрядческих сообществ.

Ключевые слова:

лесное хозяйство; лесоустройство; охрана и использование лесов; Забайкалье; старообрядцы семейские.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This study analyzes the activities undertaken by forestry administrations in the Transbaikalian region and the practices of forest resource utilization by the Semeysky Old Believers in their economic activities during the latter half of the 19th century. Both published and unpublished sources were utilized. The corpus of unpublished materials includes documents related to administrative and regulatory aspects of forestry in the Transbaikalian region, housed in the State Archive of Irkutsk Oblast. A comprehensive analysis of these sources enabled an examination of the historical development of territorial forest management structures in Transbaikalia, particularly in areas where Semeysky settlements were located. The focus is on the territory of the Troitsko-Savskoye forestry, which spanned the Upper Udinsk district and partially covered the Troitsko-Savskoye district, home to Semeysky communities. The authors highlight intriguing facts about resource-rich areas pertinent to forestry, such as the Malkhansky site known for its nut-gathering resources. Issues related to forest utilization among Old Believers residing within the Kyakhta land grant are identified. It is noted that prior to 1890, forestry administrations had not been established in Transbaikalia, and there were no specialized institutions managing forest resources, leading to uneven exploitation of forest resources and impacting the subsistence systems of Old Believer communities.

Key words:

forest management; forest planning; conservation and utilization of forests; Transbaikalia; Semeysky Old Believers.

Практика лесопользования в хозяйственной деятельности старообрядцев семейских Забайкалья во второй половине XIX века

© Васильева С. В., Козлова С. А., 2025

1. Введение = Introduction

Для всего пришлого населения в Сибири самым первым и доступным для освоения ресурсом явились таежные леса. Для старообрядцев семейских это также не стало исключением. В Забайкальской области старообрядцы основали свои поселения в Верхнеудинском округе. Исторически русскому населению привычны природные комплексы, сочетающие в себе лесные и степные ландшафты с развитой речной системой. В Верхнеудинском округе старообрядческие сообщества освоили остепненные долины рек Селенги, Хилка, Чикоя и их притоков, окруженные хребтами, покрытыми сосново-лиственничными, еловыми и кедровыми лесами. Старообрядцы семейские, прежде чем развить земледелие и другие виды хозяйственной деятельности на основе богатых природных ресурсов региона, начали активно использовать лесные ресурсы: построили жилища в поселениях, расчистили большие лесные территории под пашни, сумели научиться охоте в тайге, в широких масштабах организовали сбор таежных дикоросов. Лесопользование стало важным элементом в структуре жизнеобеспечения старообрядческих сообществ.

Лесопользование — это одна из подсистем природопользования, в которой используются все виды и функции лесных ресурсов, соответствующие уровню общественно-экономического развития [Соколов, 2014]. Поначалу развитие лесопользования старообрядцами семейскими происходило стихийно, без должного контроля администрации [Курышова, 2024, с. 352].

Порядок в XIX веке был таков, что члены сообществ делили охотничьи, кедровые угодья, лесные деляны для заготовки древесины между целыми семьями. Таким образом происходило освоение больших площадей вокруг поселений. Государственное администрирование лесопользования было налажено слабо. Как отмечается в источниках, лесов было в достатке для всего населения Забайкалья [Россия ..., 1898, с. 129]. Начиная со второй половины XIX века в Забайкальской области так же, как и по всей Рос-

сийской империи, действовало «Положение о корпусе Лесничих» (1839), затем было разработано «Положение стражи в казенных лесах» (1869). В этих документах были введены должности в лесной отрасли и их должностные регламенты [Курышова, 2024, с. 349]. Однако, по сути, в области не были организованы лесничества и не было специальных учреждений, занимавшихся управлением лесными ресурсами. Только с 1890 года в Забайкальской области были образованы лесничества, обозначены их границы [Курышова, 2020, с. 50]. Соответственно, с 1890 года был набран штат лесников и объездчиков. Однако на государственные должности, связанные с обеспечением администрирования лесных угодий и курирования лесопользования, обозначился дефицит квалифицированных кадров, притом количество ставок лесников и объездчиков в лесничествах было сильно ограничено [ГАИО, ф. 29, оп. 1, д. 405, л. 68].

Изучение практики лесопользования в Забайкалье позволит осветить целый культурно-бытовой сегмент в системе жизнеобеспечения старообрядцев семейских.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Целью настоящей работы является описание практики лесопользования у старообрядцев семейских Забайкалья во второй половине XIX века. Исследование позволяет оценить значение лесных ресурсов для системы жизнеобеспечения в старообрядческих сообществах на исследуемой территории, а также степень государственного участия в развитии лесного дела в регионе.

Источниковая база представлена делопроизводственной документацией фонда № 29 Государственного архива Иркутской области. В названном фонде хранится источник «Лесное дело в Забайкальской области», в котором приводится отчет о состоянии лесов как государственного имущества. Данный источник содержит субъективный опыт составителя [ГАИО, ф. 29, оп. 1, д. 405, л. 68], поэтому основным методом, примененным в исследовании, стал ретроспективный анализ.

Для понимания общих процессов лесопользования и характера государственного управления лесами в Российской империи и в Сибири во второй половине XIX века был выполнен библиографический обзор [Любимова, 2009; Туров, 2011; Рыбалкин, 2013; Тяпкин, 2011; Тяпкин, 2019; Тяпкин, 2022; Пантелеев и др., 2023].

Исследования лесопользования в Забайкалье во второй половине XIX века не были отдельно организованными мероприятиями, скорее являлись частью комплексных. Наиболее известные дореволюционные источники описательного характера — «Путешествие по разным провинци-

ям Российской империи» П. С. Палласа [Паллас, 1788] и «Землеведение» К. Риттера [Риттер, 1879]. Позднее, в последней четверти XIX века были опубликованы работы по землепользованию в Забайкалье. В них сообщается, что статс-секретарь Куломзин возглавил высочайше учрежденную комиссию, занимавшуюся исследованием землевладения и землепользования в Забайкальской области. В итоговом комплексном описании региона по результатам исследования были учтены и сведения о лесных ресурсах [Россия ..., 1898; Кауфман, 1900].

Некоторые источники советского периода также раскрывают особенности лесохозяйственной деятельности семейских Забайкалья [Лебедева, 1979].

В настоящей статье использованы современные историографические источники о развитии хозяйства в старообрядческих сообществах [Болонев, 2001; Гурова, 2005; Костров, 2007; Гарбуз, 2011; Гарбуз, 2013], о развитии лесной отрасли в Байкальском регионе в конце XIX века [Курышова, 2013; Курышова, 2020; Курышова, 2024].

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Троицко-Савское лесничество в территориальной структуре лесопользования Забайкальской области

В настоящей статье рассмотрим подробно Троицко-Савское лесничество в Западном лесохозяйственном районе, на территории которого во второй половине XIX века оказались поселения старообрядцев — семейских.

Отчет, который хранится в Государственном архиве Иркутской области, составлен 28 мая 1898 года Помощником Управляющего государственными имуществами К. С. Евтушевским. К. С. Евтушевский приводит примерные данные о распределении площадей с объяснением о невозможности представить точные цифры, однако делает следующее перечисление:

- в ведении Кабинета Его Императорского Величества находятся 11 275 тыс. десятин;
- во владении Забайкальского казачьего войска — 4075 тыс. десятин;
- в наделах крестьян — 1792 тыс. десятин;
- в пользовании у инородцев — 5920 тыс. десятин;
- в даче Петровского завода ведомства Кабинета Его Величества — 136 тыс. десятин;
- в городских и духовного ведомства наделах — 38 тыс. десятин;
- остаток в распоряжении казны, государственное имущество — 38 245 тыс. десятин, вся территория находится в северной части области [ГАИО, ф. 29, оп. 1, д. 405, л. 68].

Итого получается 61 481 тыс. десятин, или 671 679 925 км². В энциклопедии Забайкалья приводится площадь всей Забайкальской области в XIX веке — 613 000 км² [Забайкальская ..., 2006]. Возможно, автор представил такие цифры при невозможности подсчета площадей северных территорий, относящихся к государственному имуществу: «Свободные государственные пространства расположены в северной ненаселенной части области, почти сплошную массу, а в местностях населенных они находятся на хребтах и только в немногих случаях — в долинах среди наделенных дач. Этим обстоятельством объясняется, что огромное большинство казенных земель состоит под лесонасаждениями и только небольшая часть приходится на долю прочих угодий...» [ГАИО, ф. 29, оп. 1, д. 405, л. 68].

В отчете отмечается, что наибольшая площадь свободных казенных земель находится под лесами, причем лесистость казенных пространств в северном, западном и восточном районах можно приблизительно оценить в 80 %. Также автор отмечает, что в восточном и западном районах области больше населения, чем в северном, поэтому на севере к концу XIX века практически отсутствуют безлесные площади.

Лесные угодья в Забайкальской области в конце XIX века были распределены на три лесохозяйственных района и пять лесничеств. Лесохозяйственные районы — Восточный, Западный и Прибайкальский. Лесничества — Читинское, Верхнеудинское, Троицкосавское, Прибайкальское, Витимское.

В состав Троицко-Савского лесничества входила пограничная с Монголией полоса на запад от Яблонового хребта, включающая в себя долину Чикоя (нижнего течения реки Хилок до Селенги справа), а слева — долины рек Джиды и Темник (притоков Селенги). Общая площадь лесничества составляла 7717 тыс. десятин, включая 6100 тыс. десятин казенных земель [ГАИО, ф. 29, оп. 1, д. 405, л. 68].

Троицко-Савское лесничество разделялось на пять главных участков: Верхне-Чикойский (200 тыс. десятин), Малханский (830 тыс. десятин), Кяхтинская дача (65 тыс. десятин), Джидинско-Темниковский (2900 тыс. десятин), Заганский (270 тыс. десятин).

В наши задачи входит изучение лесопользовательской практики старообрядческих общин, поэтому рассмотрим участки Верхне-Чикойский, Малханский, Заганский и частично Кяхтинскую дачу, в пределах которых старообрядцы организовывали свою лесохозяйственную деятельность.

3.2. Особенности освоения лесных ресурсов старообрядцами Верхне-Чикойского участка Троицко-Савского лесничества во второй половине XIX века

Верхне-Чикойский участок включал верхнее течение реки Чикой с крупными притоками Ацой и Мензой и множеством других, ограничивался

Малханским хребтом по своей северной границе. Характерная особенность территории — горный рельеф, где узкие долины перемежаются с высокими крутосклонными хребтами, покрытыми лесами. Вершины хребтов — безлесные гольцы с куртинами кедрового стланика. Ввиду значительной высоты климат отличается более низкими температурами. В районе распространена островная вечная мерзлота, на которой отмечается лес плохого качества или вовсе его отсутствие, за исключением наличия кустарниковой растительности — ивы. По склонам произрастают кедровые и сосново-лиственничные леса. По оценкам К. С. Евтушевского данный участок имел на тот момент посредственное значение в плане лесохозяйственного использования из-за малого количества жителей: «В пределах его расположено лишь несколько казачьих поселков, которые не могут быть потребителями казенного леса, а золотые прииска в этой местности тоже не обещают заметного спроса на лесные материалы... Только на северо-западной окраине расположен ряд крестьянских селений, покупающих казенный лес между прочим и в этом районе, хотя помянутые селения имеют леса в своих наделах, но в них теперь уже ощущается недостаток в строевом лесу, идущем на сплав под хлебными грузами и в постройки вообще богатые в этой местности...» [ГАИО, ф. 29, оп. 1, д. 405, л. 68]. Кроме крестьянских хозяйств Коротовской и Красноярской волостей, основным потребителем леса в пределах Верхне-Чикойского участка являлся винокуренный завод в с. Красноярском (современный Красный Чикой), который приобретал лесорубочные билеты на суммы более 2000 рублей ежегодно. Лес доставляли по реке либо на санях зимой. Сплав леса на тот момент не был популярен по причине обилия запасов леса вообще в регионе. К. С. Евтушевский отмечает, что данный район является перспективным для дальнейшего заселения: «Чикойская долина (ниже по течению от села Шимбилик. — *С. В., С. К.*) до того густонаселена, что теперь уже крестьянские наделы оказываются недостаточными и нарекания на малоземелье стали обычным явлением со времени бесплатного пользования в свободных казенных пространствах...» [ГАИО, ф. 29, оп. 1, д. 405, л. 68]. Ввиду перенаселенности в долине Чикоя, выше по его течению возникали небольшие выселки и заимки в несколько домов, окруженные распаханными участками и сенокосными угодьями. Некоторые перерастали в поселения, как например, село Черемхово. К началу XX века выселков, заимок, а также поселков вокруг золотодобывающих рудников в пределах Верхне-Чикойского участка насчитывалось более 40, основное население в них — старообрядцы семейские [Телекоммуникационный ..., 1896—1914].

Процесс расчистки лесов под пашни по долине реки Чикой продолжался вплоть до 1930—40-х годов. Это был тяжелый ручной труд с ис-

пользованием лошадей. Женщины занимались такой работой наравне с мужчинами. В конце XIX века расчистка под пашни была обычным делом по долине Чикоя. Участки на казенных землях семейские занимали свободно, на договорном праве, при этом имели льготы с оплатой налогов [Кауфман, 1900, с. 121].

Таким образом, Верхне-Чикойский участок в конце XIX века был менее освоен семейскими старообрядцами, однако заселение вверх по Чикую продолжалось. Сюда приходили семьи из перенаселенных мест, лесопользование наравне с земледелием становилось основой жизнеобеспечения.

3.3. Лесопользование старообрядцев на Малханском участке Троицко-Савского лесничества во второй половине XIX века

Малханский участок простирался на северо-запад от Верхне-Чикойского участка, от долины Чикоя, охватывая Малханский хребет до долины реки Хилок. Малханский хребет не имеет гольцов, он полностью покрыт лесами. Этот участок особенно ценен с лесохозяйственной точки зрения для старообрядцев семейских, поскольку представлен кедровой тайгой. Его действительно можно назвать таежной житницей для старообрядческих общин с самого их поселения и до настоящего времени, поскольку добыча кедрового ореха не только служила в урожайные годы источником пропитания, но и позволяла получать значительные доходы от продажи орехов на местных и региональных ярмарках [Гарбуз, 2013, с. 104]. К. С. Евтушевский отмечает: «Леса этого района и теперь имеют немаловажное значение как для удовлетворения местных потребностей, так и для сплава, а в недалеком будущем этот район должен играть видную роль в экономической жизни края» [ГАИО, ф. 29, оп. 1, д. 405, л. 68]. В неурожайные годы, когда не родились хлеба на полях, ореховый промысел позволял восполнить лишь питание населения. В неурожайном 1888 году «добыча орехов, несмотря на необыкновенный урожай их, не принесла населению и трети того заработка, который получался ранее, вследствие падения цены на них и дороговизны хлеба (орехи на Чикое продаются 60 копеек за пуд, но нет покупателей)» [ГАИО, ф. 29, оп. 1, д. 95, л. 89].

Лесами этого участка пользовались жители Коротовской, Красноярской, Байхоровской, Нижнеларымской, Урлукской, Тамирской, Малокуналейской, Бичурской, Еланской, Окино-Ключевской волостей. Семейские имели приписанные к поселениям лесные участки, а также могли брать в аренду на сорок лет от казны удобные лесные наделы под пашни. У каждого старообрядческого поселения была своя территория, на которой жители добывали орехи. Чаще всего это были казенные леса, налогов за пользование ими не предусматривалось. Территория, приуроченная к какому-либо из поселений, в свою очередь изнутри разграничивалась между семьями.

Нередко негласное право сбора кедровых орехов на конкретном участке передавалось по наследству. Кедровым орехом питались и продавали его на ярмарках и скупщикам. В Красноярском селе орехи перерабатывали на маслобойном заводе [Лебедева, 1979, с. 116]. В долине Чикоя по его берегам и на притоках в конце XIX века развивался один из несуществующих в настоящее время лесных промыслов — сбор таловой коры для кожевенного производства [ГАИО, ф. 24, оп. 90ц, д. 775, л. 19—22]. В Коротовской, Красноярской, Байхоровской, Нижнеларьимской волостях было развито содержание изюбрей в неволе. Для этого семейские огораживали большие площади в таежных урочищах [ГАИО, ф. 24, оп. 90ц, д. 766, л. 24].

В своем отчете К. С. Евтушевский сравнивает Малханский участок со смежными участками Верхнеудинского лесничества. Леса к северу и северо-востоку от него (в долинах рек Хилок, Ингода и их притоков) были сведены под пашни, подвергались вырубкам, в конце XIX века строевого леса в них не оставалось [ГАИО, ф. 29, оп. 1, д. 405, л. 68].

Леса Малханского участка оберегались жителями. С сосняками и кедровниками связаны первые природоохранные мероприятия и запреты на исследуемой территории: «В сел. Узко-Лугском Мало-Куналейской вол. на выгоне имеется до 25 дес. леса; рубить его запрещено, чтобы задержать вредное действие песчаных наносов. В даче Малокударинского сел. волости того же названия запрещено рубить кедровник; им очень дорожат, как лесом, поддерживающим иногда (в урожайные годы) весьма выгодный ореховый промысел...» [Россия ..., 1898, с. 130].

К. С. Евтушевский в своем отчете отметил деловые качества старообрядцев семейских: «Между тем, оседлое население по Чикую, Хилку, Селенге живет богато, большими селениями, имеет избытки хлеба и рабочих, последние отправляются даже на Амур на золотые прииски по системам Зеи и Буреи, а теперь их много на земляных работах по железной дороге, где они имеют репутацию прекрасных работников» [ГАИО, ф. 29, оп. 1, д. 405, л. 68].

Сопоставляя наличие богатых лесных ресурсов с человеческими, К. С. Евтушевский называет условия весьма благоприятными для развития промышленности в регионе, особенно связанные с земледелием, и указывает на процветание винокуренных заводов и мельниц: «Даже и в настоящее время из этого района отпускается наибольшее по лесничеству количество казенного леса, идущего частью для надобностей винокуренного завода и на крестьянские постройки, частью же сплавляемого на Селенгу с хлебом и в виде товарного леса. Спрос на казенный лес несомненно будет увеличиваться, а положение сплавных рек по северной и южной окраинам района и направление их в судоходную Селенгу, долина которой тоже

густонаселена, позволяет рассчитывать на сбыт местных материалов из отдалённой восточной части района» [ГАИО, ф. 29, оп. 1, д. 405, л. 68]. Также автор отмечает перенаселенность в среднем течении притоков Селенги — Чикоя и Хилка, в долинах более мелких притоков, подчеркивает возникший к концу XIX века дефицит сельскохозяйственных угодий среди старообрядческих сообществ. Рассуждая об этом, К. С. Евтушевский предполагает, что между Малханским, Кударинским и Бичурским хребтами есть участки, где могли быть подходящие микроклиматические условия для огородничества и хлебопашества с наличием лесных ресурсов, в том числе угодий с кедровой тайгой, подходящие для переселения семей старообрядцев [ГАИО, ф. 29, оп. 1, д. 405, л. 68].

К Малханскому участку относились также еще три небольших по площадям участка, находящихся ближе к нижнему течению реки Чикой к юго-западу от Красноярской волости. Первый — Урлукский, где в условиях горной местности территория полностью покрыта лесами. Второй — Тойкинский, где на песчаных почвах отмечался лес высокого качества. Третий — Тамирский участок, он также полностью покрыт лесом, расположен был между поселениями Тамир, Унгуркуй, Ивановка. Все три участка не были включены в окружающие его наделные крестьянские дачи и признавались свободным казенным имуществом. По большей части этими участками население во второй половине XIX века практически не пользовалось, за исключением сбора кедрового ореха на Тамирском участке. К. С. Евтушевский отмечает, что по Урлукскому, Тойкинскому и Тамирскому участкам не было документов о проведенном межевании, была неразбериха с оформлением земельных наделов в аренду, которая ограничивалась длительными переписками с администрацией. Бывали случаи, когда два или три сельских общества претендовали на аренду или владение одним участком [ГАИО, ф. 29, оп. 1, д. 405, л. 68]. Кроме старообрядцев семейских, здесь проживали казаuchy и бурятские общины, которые также активно вели свои хозяйства, занимались заготовкой леса, дров, в меньшей степени охотой [Очиров и др., 2012, с. 43]. Автор дает следующую оценку этим участкам: «По своему значению это район требует уже систематически организованной эксплуатации, с выделением площадей, долженствующих остаться под лесом и с направлением рубок таким образом, чтобы лесные запасы были использованы рационально, в зависимости от предполагаемого назначения почвы из-под леса. Данные для подобной организации могут быть добыты только путем съемки на плане и специального исследования, без чего всякое суждение об этом будет иметь характер условных предположений, недостаточных для сколько-нибудь правильного разрешения изъясненной выше задачи» [ГАИО, ф. 29, оп. 1, д. 405, л. 68].

Таким образом, Малханский участок, характеризовавшийся наличием богатейших запасов кедровой тайги, высококачественного строевого леса, охотничьих угодий, не только активно эксплуатировался старообрядцами семейскими, но также и оберегался ими. Также в пределах этой горной территории отмечалось наличие удобных земель для образования новых поселений.

3.4. Лесные ресурсы Заганского участка Троицко-Савского лесничества в системе жизнеобеспечения старообрядцев во второй половине XIX века

Заганский участок обозначался в пределах Заганского хребта между крестьянскими наделами и владениями бурят по Хилку и Тугную до территории Петровского завода ведомства Кабинета Его Величества. Он включал Маргинтуйский участок, расположенный отдельно среди крестьянских земель к югу от заводской территории. Общая площадь этого района составляла около 270 тыс. десятин [ГАИО, ф. 29, оп. 1, д. 405, л. 68]. Здесь расположены поселения старообрядцев семейских: Мухоршибирь, Старый и Новый Заган, Хонхолой, Никольск, Харауз и др.

Ландшафты Заганского участка схожи по своему облику с ландшафтами Малханского участка. Однако К. С. Евтушевский оценил лесистость этого участка в 80 %, то есть заметно меньше, чем в Малханском. Здесь среди кедровых лесов на самых высоких частях гор и сосновых и лиственнично-сосновых лесов на склонах также отмечаются степи и лесостепи. «В лесохозяйственном отношении этот район весьма близок к Малханскому району, тот же характер местности и лесонасаждений, те же условия спроса на земли и лес и направление сбыта последнего; разница между этими районами лишь в том, что Заганский по северной окраине не имеет сплавной реки, ибо таковою Тугнуй не считается, но зато сбывает часть своего леса на железную дорогу; не менее того близки оба названные района и в отношении пригодности для сельскохозяйственной культуры и для образования новых поселений» [ГАИО, ф. 29, оп. 1, д. 405, л. 68]. Здесь существовали та же проблема межевания угодий и споры между сообществами за лесные наделы, что и на Малханском участке. С созданием лесничества в 1890 году эта проблема оставалась, споры происходили за наиболее удобные в использовании участки, как, например, между селениями Харашибирь и Мухоршибирь в 1894 году [ГАИО, ф. 29, оп. 1, д. 163, л. 9].

Лесные ресурсы Заганского участка позволяли старообрядцам семейским, проживающим по Тугную, Сухаре и их притокам, заниматься охотой, сбором кедрового ореха, заготовкой дров и леса, однако здесь более было развито земледелие благодаря большим удобным для выращивания хлебов площадям, чем в долине реки Чикой.

3.5. Ограничения в лесопользовании для старообрядческого населения на Кяхтинской даче Троицко-Савского лесничества во второй половине XIX века

Кяхтинская дача отличалась меньшей лесистостью, по оценке К. С. Евтушевского — не более 65 % [ГАИО, ф. 29, оп. 1, д. 405, л. 68]. Природной особенностью этой территории является более засушливый климат и распространение песчаных почв и песков [Обручев, 1914, с. 60] по сравнению с Верхне-Чикойским, Малханским и Заганским участками. Причем восточная часть этого участка больше занята сосновыми и сосново-лиственничными лесами, чем западная, где преобладают степи. Здесь протекает река Чикой и впадает в Селенгу. Кроме того, основное население здесь составляли казаки, буряты, православные крестьяне-старожилы. Семейские поселения немногочисленны — деревня Калинина, Ново-Десятниково. Для этих поселений отводилось малое количество угодий вокруг, не более 10 тыс. десятин, и их жителям было сложно получить в надел дополнительные участки, поскольку все земли вокруг относились к бурятским общинам и по большей части находились во владении казаков. К. С. Евтушевский отмечает здесь наименьшее наличие леса вообще в пределах Троицко-Савского лесничества, распространение степей в окрестностях этих поселений [ГАИО, ф. 29, оп. 1, д. 405, л. 68]. Земли использовались преимущественно под пашни. Старообрядцы семейские закупали лес у соседних селений выше по Чикой по частному соглашению либо на основании установленных правил у казны — с оплатой пошлины [Россия, 1898, с. 129].

Таким образом, в пределах Кяхтинской дачи заготовка древесины была неудобным и нерентабельным занятием для небольшого количества старообрядцев, проживающих в данной местности. Старообрядцы семейские, проживающие здесь, преимущественно были заняты хлебопашеством, извозом и другими видами хозяйственной деятельности.

4. Заключение = Conclusions

Практика лесопользования у старообрядцев семейских, проживающих в Забайкалье, к концу XIX века развивалась стихийно, без регламентации со стороны государства. Ее развитие базировалось на эксплуатации богатых лесных ресурсов. Интенсивность лесопользования в каждом семейском поселении зависела от близости или удаленности лесных участков. Наряду с ресурсами основой также выступили исторически обусловленные знания о лесе у семейских, умение обращаться с деревом. Нарботка опыта, приобретение новых навыков и знаний сопутствовали их практической деятельности.

Троицко-Савское лесничество организовано в 1890-х годах, однако практика лесопользования семейских в его пределах уже была отлажена. С созданием лесничества в конце XIX века лесопользование старообрядцев не изменилось и имело те же самые формы (заготовка дров, стройматериалов, охота, сбор дикоросов) вплоть до создания колхозов и совхозов в советское время. Когда Управление государственных имуществ в 1890-х годах проводило территориальные границы лесничеств в Забайкалье, оно во многом опиралось на реальную ситуацию с лесопользованием в сельских поселениях. Государственная программа по организации лесного дела в исследуемый период обозначила земли казенные и в наделах у крестьян, в нашем случае у старообрядцев семейских, проживающих в долине реки Чикой и ее притоков.

Малханский и Заганский лесные участки были наиболее освоены старообрядцами ввиду плотной заселенности этих территорий. Верхне-Чикойский участок оставался перспективным для освоения старообрядцами благодаря наличию кедровых угодий, наделов, пригодных для земледелия после расчистки, а также охотничьих ресурсов и дикоросов. На территориях Кяхтинской дачи поселений старообрядцев семейских оказалось не так много, однако территориально они тяготели к реке Чикой, по которой возможен был сплав леса из его долины с Малханского или Верхне-Чикойского участков. Очевидна привязка жизнеобеспечивающих систем старообрядческих общин семейских к лесным ресурсам.

В заключении необходимо отметить, что у семейских вместе с территориальным распределением орехово-промысловых и охотничьих угодий, наделов с деловой древесиной, наделов под пашни внутри сообществ сформировалась своя особенная этика лесопользования, выраженная в установлении запретов на вырубку лесных массивов в целях защиты от наносных песков, особенно оберегались и приобретали заповедное значение кедровники. Таким образом, практика лесопользования старообрядцев семейских в конце XIX века была рациональной и экологически щадящей одновременно.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.
--	--

Источники и принятые сокращения

1. ГАИО — *Государственный архив Иркутской области* Ф. 29 (Канцелярия Приамурского генерал-губернатора) Ф. 29. Оп. 1. Д. 95. ЛЛ. 89.

2. ГАИО — *Государственный архив Иркутской области* Ф. 29 (Канцелярия Приамурского генерал-губернатора) Ф. 29. Оп. 1. Д. 163. Л. 9.
3. ГАИО — *Государственный архив Иркутской области* Ф. 29. (Канцелярия Приамурского генерал-губернатора) Ф. 29. Оп. 1. Д. 405. ЛЛ. 68.
4. ГАИО — *Государственный архив Иркутской области* Ф. 24 (Главное управление Восточной Сибири (ГУВС) Министерства внутренних дел Российской империи, г. Иркутск Иркутской губернии 1822—1887 гг.) Ф. 24. Оп. 9 (ОЦ). Д. 775. ЛЛ. 29.
5. ГАИО — *Государственный архив Иркутской области* Ф. 24. Оп. 9 ОЦ. Д. 766. Л. 24.
6. *Забайкальская область* [Электронный ресурс] // Энциклопедия Забайкалья, 2006. — Режим доступа : <http://encycl.chita.ru/encycl/person/?id=481> (дата обращения 15.11.2024).
7. *Телекоммуникационный атлас ретроспективных* (издания 1896—1914 гг.) трансграничного Прибайкалья и Забайкалья [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://baikalgis.ru/baikalgis/> (дата обращения 28.04.2025).

Литература

1. *Болонев Ф. Ф.* Старообрядцы Алтая и Забайкалья. Опыт сравнительной характеристики / Ф. Ф. Болонев. — Барнаул : Изд-во БЮИ, 2001. — 51 с.
2. *Гарбуз И. В.* Земельные отношения в Забайкальской области во второй половине XIX века / И. В. Гарбуз // Гуманитарный вектор. — 2011. — № 3 (27). — С. 31—39.
3. *Гарбуз И. В.* Неземледельческие занятия забайкальских крестьян во второй половине XIX века / И. В. Гарбуз // Вестник ВСГУТУ. — 2013. — № 4 (43). — С. 101—109.
4. *Гурова О. Н.* Развитие традиционных промыслов в Красночикойском таёжном районе Читинской области / О. Н. Гурова // География и природные ресурсы. — 2005. — № 3. — С. 94—98.
5. *Кауфман А. А.* Земельные отношения и общинные порядки в Забайкалье по местному исследованию 1897 г. / А. А. Кауфман. — Иркутск : Типография газеты «Восточное обозрение», 1900. — 179 с.
6. *Костров А. В.* Специфика хозяйственной инфраструктуры старообрядческих общин Байкальского региона в дореволюционный период / А. В. Костров // Сибирь в изменяющемся мире. История и современность. — Иркутск : Изд-во Иркутского государственного педагогического университета, 2007. — С. 242—246. — ISBN 978-5-85827-342-4.
7. *Курышова И. В.* Причины активизации лесоохранной деятельности государства в Байкальском регионе в конце XIX — начале XX вв. / И. В. Курышова // Иркутский историко-экономический ежегодник. — 2013. — С. 427—433.
8. *Курышова И. В.* Охрана сибирских лесов в законодательстве Российской империи XVIII — начала XX века / И. В. Курышова // Академический юридический журнал. — 2020. — № 1 (79). — С. 48—54.
9. *Курышова И. В.* Управление казенными лесами в Байкальском регионе в конце XIX — начале XX вв. / И. В. Курышова // Иркутский историко-экономический ежегодник. — 2024. — С. 343—366.
10. *Лебедева А. А.* Промысел кедрового ореха в Сибири / А. А. Лебедева, А. В. Сафьянова // Советская этнография. — 1979. — № 4 — С. 107—117.
11. *Любимова Г. В.* Динамика отношения к природной среде русского населения юга Западной Сибири (на примере лесопользования) : конец XIX — начало XXI в. /

Г. В. Любимова // Известия Алтайского государственного университета. — 2009. — № 4/3 (64). — С. 108—110.

12. Обручев В. А. Сыпучие пески Селенгинской Даурии и необходимость их скорейшего изучения / В. А. Обручев // Труды Троицкосавско-Кяхтинского отделения Приамурского отделения Императорского РГО. — 1912. — Т. 15. — Выпуск 3. — С. 53—67.

13. Очиров В. О. Охотничья культура бурят / В. О. Очиров, И. Б. Батуева // Вестник Бурятского государственного университета. — 2012. — № 7. — С. 42—46.

14. Паллас П. С. Путешествие по разным провинциям Российского Государства. Часть третья. Половина первая / П. С. Паллас. — Санкт-Петербург : Императорская Академия Наук, 1788. — 655 с.

15. Пантелеев В. И. О противодействии крестьянства лесной политике царизма на государственных землях Сибири в конце XIX — начале XX в. / В. И. Пантелеев, В. В. Прохоров // Социально-экономический и гуманитарный журнал. — 2023. — № 1 (27). — С. 119—129. — DOI: 10.36718/2500-1825-2023-1-119-129.

16. Риттер К. Землеведение Азии Карла Риттера. Восточная Сибирь : озеро Байкал и прибайкальские страны, Забайкалье и степь Гоби / К. Риттер ; переведен и издан по поручению ИРГО под рук. П. Семенова. — Санкт-Петербург : [б. и.], 1879. — Т. 5. — 477 с.

17. Россия. Комиссия для исследования землевладения и землепользования в Забайкальской области. Материалы / высочайше учрежденная под пред. статс-секретаря Куломзина Комис. для исслед. землевладения и землепользования в Забайкал. обл. — Санкт-Петербург : [б. и.], 1898. — 497 с.

18. Рыбалкин А. И. Совершенствование системы лесного управления в Российской империи в конце XIX в. / А. И. Рыбалкин // Берегиня. 777. Сова : Общество. Политика. Экономика. — 2013. — № 1 (16). — С. 24—26.

19. Соколов В. А. Основы организации устойчивого лесопользования / В. А. Соколов // Сибирский лесной журнал. — 2014. — № 1. — С. 14—24.

20. Туров С. В. Экологические аспекты традиционных лесных промыслов старожильского (русские, коми) населения Обдорского края (вторая половина XIX — первая треть XX в.) / С. В. Туров // Вестник археологии, антропологии и этнографии. — 2011. — № 1 (14). — С. 162—167.

21. Тяпкин М. О. Зарождение системы лесного законодательства и управления лесами в России в первой четверти XVIII в. / М. О. Тяпкин // Алтайский юридический вестник. — 2011. — № 4 (8). — С. 15—20.

22. Тяпкин М. О. Традиции лесопользования и лесохозяйственная деятельность крестьянской общины в дореволюционный период (на примере Западной Сибири) / М. О. Тяпкин // Институты общинного самоуправления в социальной жизни многонационального крестьянства Волго-Уральского региона (XVIII в. — 20-е гг. XX в.). — Казань : Институт истории имени Шигабутдина Марджани Академии наук Республики Татарстан, 2019. — С. 188—198. — ISBN 978-5-94981-335-5.

23. Тяпкин М. О. Структура лесных уставов Российской империи / М. О. Тяпкин // Правовые проблемы укрепления российской государственности. — Томск : [б. и.], 2022. — С. 12—14. — ISBN 978-5-94621-672-2.

Статья поступила в редакцию 29.04.2025,
одобрена после рецензирования 22.08.2025,
подготовлена к публикации 12.09.2025.

Material resources

- GAIO — *State Archive of the Irkutsk region F. 29 (Office of the Amur Governor-General) F. 29. Op. 1. D. 95. LL. 89.* (In Russ.).
- GAIO — *State Archive of the Irkutsk region F. 29 (Office of the Amur Governor-General) F. 29. Op. 1. D. 163. L. 9.* (In Russ.).
- GAIO — *The State Archive of the Irkutsk region F. 24 (The Main Directorate of Eastern Siberia (GUVS) of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Empire, Irkutsk, Irkutsk province, 1822—1887) F. 24. Op. 9 (OTS). D. 775. LL. 29.* (In Russ.).
- GAIO — *The State Archive of the Irkutsk region F. 24. Op. 9 OTS. D. 766. L. 24.* (In Russ.).
- GAIO — *The State Archive of the Irkutsk region F. 29. (Office of the Amur Governor-General) F. 29. Op. 1. D. 405. LL. 68.* (In Russ.).
- Telecommunication atlas of retrospective (editions 1896—1914) transborder Baikal and Transbaikalia.* Available at: <https://baikalgis.ru/baikalgis/> (accessed 28.04.2025). (In Russ.).
- Zabaykalskaya oblast. (2006). *Encyclopedia of Transbaikalia.* Available at: <http://encycl.chita.ru/encycl/person/?id=481> (accessed 15.11.2024). (In Russ.).

References

- Bolonev, F. F. (2011). *The Old Believers of Altai and Transbaikalia. The experience of comparative characteristics.* Barnaul: Publishing House of BYUI. 51 p. (In Russ.).
- Garbuz, I. V. (2011). Land relations in the Trans-Baikal region in the second half of the 19th century. *Humanitarian vector*, 3 (27): 31—39. (In Russ.).
- Garbuz, I. V. (2013). Non-agricultural occupations of the Trans-Baikal peasants in the second half of the 19th century. *Bulletin of VSGUT*, 4 (43): 101—109. (In Russ.).
- Gurova, O. N. (2005). The development of traditional crafts in the Krasnochikoysky taiga region of the Chita region. *Geography and natural resources*, 3: 94—98. (In Russ.).
- Kaufman, A. A. (1900). *Land relations and communal orders in Transbaikalia based on local research in 1897.* Irkutsk: Printing house of the newspaper “Eastern Review”. 179 p. (In Russ.).
- Kostrov, A. V. (2007). Specifics of the economic infrastructure of the Old Believer communities of the Baikal region in the pre-revolutionary period. In: *Siberia in a changing world. History and modernity.* Irkutsk: Publishing House of Irkutsk State Pedagogical University. 242—246. ISBN 978-5-85827-342-4. (In Russ.).
- Kuryshova, I. V. (2013). Reasons for the intensification of forest protection activities of the state in the Baikal region in the late XIX — early XX centuries. *Irkutsk Historical and Economic Yearbook*. 427—433. (In Russ.).
- Kuryshova, I. V. (2020). Protection of Siberian forests in the legislation of the Russian Empire of the XVIII — early XX century. *Academic Law Journal*, 1 (79): 48—54. (In Russ.).
- Kuryshova, I. V. (2024). Management of state-owned forests in the Baikal region in the late XIX — early XX centuries. *Irkutsk Historical and Economic Yearbook*. 343—366. (In Russ.).
- Lebedeva, A. A., Safyanova, A. V. (1979). Cedar nut fishing in Siberia. *Soviet ethnography*, 4: 107—117. (In Russ.).
- Lyubimova, G. V. (2009). Dynamics of attitudes towards the natural environment of the Russian population in the south of Western Siberia (on the example of forest management): the end of the XIX — beginning of the XXI century. *Proceedings of the Altai State University*, 4/3 (64): 108—110. (In Russ.).

- Obruchev, V. A. (1912). The loose sands of the Selenga Dauria and the need for their speedy study. *Proceedings of the Troitskosavsko-Kyakhtinsky branch of the Amur branch of the Imperial Russian Geographical Society*, 15 (3): 53—67. (In Russ.).
- Ochirov, V. O. (2012). Hunting culture of the Buryats. *Bulletin of the Buryat State University*, 7: 42—46. (In Russ.).
- Pallas, P. S. (1788). *A journey through different provinces of the Russian State. Part three. The first half*. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences. 655 p. (In Russ.).
- Panteleev, V. I., Prokhorov, V. V. (2023). On the opposition of the peasantry to the forest policy of tsarism on the state lands of Siberia in the late 19th — early 20th centuries. *Socio-economic and Humanitarian Journal*, 1 (27): 119—129. DOI: 10.36718/2500-1825-2023-1-119-129. (In Russ.).
- Ritter, K. (1879). *The Geography of Asia by Karl Ritter. Eastern Siberia: Lake Baikal and the Baikal countries, Transbaikalia and the Gobi Steppe*, 5. St. Petersburg: [b. i.]. 477 p. (In Russ.).
- Russia. (1898). *The Commission for the study of land ownership and land use in the Trans-Baikal region. Materials / highly established under the pre. State Secretary of the Kulomzin Commission. for research. Land tenure and land use in the Trans-Baikal Region*. Saint Petersburg: [b. i.]. 497 p. (In Russ.).
- Rybalkin, A. I. (2013). Improvement of the forest management system in the Russian Empire at the end of the 19th century. *Bereginya*. 777. Owl: Society. Politics. Economy, 1 (16): 24—26. (In Russ.).
- Sokolov, V. A. (2014). Fundamentals of sustainable forest management. *Siberian Forest Journal*, 1: 14—24. (In Russ.).
- Turov, S. V. (2011). Ecological aspects of traditional forest crafts of the old-timers (Russians, Komi) population of the Obdorsky Territory (the second half of the XIX — the first third of the XX century). *Bulletin of Archeology, Anthropology and Ethnography*, 1 (14): 162—167. (In Russ.).
- Tyapkin, M. O. (2011). The origin of the system of forest legislation and forest management in Russia in the first quarter of the XVIII century. *Altaysky yuridicheskiy vestnik*, 4 (8): 15—20. (In Russ.).
- Tyapkin, M. O. (2019). Traditions of forest management and forestry activities of the peasant community in the pre-revolutionary period (on the example of Western Siberia). In: *Institutions of communal self-government in the social life of the multinational peasantry of the Volga-Ural region (XVIII century — 20s of the twentieth century)*. Kazan: Institute of History named after Shigabutdin Mardzhani Academy Sciences of the Republic of Tatarstan. 188—198. ISBN 978-5-94981-335-5. (In Russ.).
- Tyapkin, M. O. (2022). *The structure of forest charters of the Russian Empire. Legal problems of strengthening Russian statehood*. Tomsk: [b. i.]. 12—14. ISBN 978-5-94621-672-2. (In Russ.).

*The article was submitted 29.04.2025;
approved after reviewing 22.08.2025;
accepted for publication 12.09.2025.*